

В БОРЬБЕ ЗА ЛЕНИНИЗМ

НА ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Вад. Буш, М. Гольдберг

За или против!

(за марксистско-ленинскую методологию в стенах университета)

ученый балагур

Свои скучные лекции о микроскопическом строении организма профессор Павлов слабривает доброй долей афоризмов весьма сомнительного свойства. На вступительной лекции обычно он излагает свои взгляды на сущность мира, на ход развития общественной мысли и по вопросу „Что такое жизнь“ излагает 18 мнений величайших философов всех времен.

— В определении Канта я ничего не понимаю. Надсон говорит, что жизнь—это океан и старая вакханка. Тоже непонятно. Самое лучшее определение в данный момент: жизнь есть комбинация из трех пальцев.

Тут же аудитории дается совет:

— Ваш путь—путь чистой науки. Политика, дяденьки, вредна.

И чтобы доказать это, проф. Павлов излагает свою собственную „научную теорию“:

— Коммунизм—это, видите ли, чрезвычайно высокая гора. На вершине горы воткнут красный флаг, а на нем написано „коммунизм“. Люди барахтаются, лезут туда, чтобы найти свою идею. А когда добираются до вершины и выдергивают флаг, то видят только одну пустоту.

Но проф. Павлов—вольнодумец и он не прочь намекнуть, что Октябрьскую революцию понимает, как логическое проявление исторического хода развития общества.

Он даже признает теорию Дарвина и „умеет“ истолковать ее.

— Закон Дарвина, закон борьбы за существование разбивает учение утопистов о будущем равенстве человечества.

Зачем же „утописты“ сделали Октябрь, ведь все равно существовать смогут лишь наиболее „приспособленные“?

Напрасно спрашивать мнения проф. насчет коллективизации, темпов, новых методов преподавания.

— Это немного странный вопрос...—отвечает профессор.

Не стоит вдаваться в ценность научной мысли профессора Павлова за вторую половину его жизни—ничем она не замечательна. Что касается „балагурства“, то мы на сей счет определенного мнения: за ним скрываются явно политически вредные, антимарксистские взгляды профессора.

Рабочий, присутствовавший на смотре кафедр, сказал просто и вразумительно:

— Я вот приду завтра на завод, и меня спросят, как фабрикуются новые специалисты; я им скажу, что их механик показывает им шиши. А ведь из таких студентов получаются не больше, чем „шишовики“.

„что такое женщина“

— Я не придавал особого значения определенности мировоззрения. Но за последнее время с большим интересом изучаю диалектический материализм,—делает реверанс в сторону аудитории проф. Какушкин.

Профессор совсем „не знает“, что с давних пор весь ученый мир делится на два враждебных лагеря—идеалистов и материалистов.

Профессор медицины, возглавляющий кафедру гинекологии и с интересом изучающий диалектический материализм, сразу выдает себя с головой.

— Мое отношение к религии? В этом отношении я пассивен. Я ни за религию, ни против нее.

Однако, известно, что „пассивность“ привела его к амбону церкви, с которого он несколько лет тому назад, для коллектива верующих, делал два „научных“ доклада: „О браке“ и „О роли женщины“.

Этот же профессор, с большим интересом изучающий диалектику, совсем недавно на заседании Гинекологического общества заявил:

— Научная мысль может беспрепятственно развиваться только там, где она не упирается в классовые рамки.

Политика в науке, о ужас! Не даром на производственном совещании он заявил, что современность рисуется ему, как образ дурных взаимоотношений, отдых от которых он находит лишь в научной работе, что из существующего строя ничего не выйдет.

Профессор занимается и социальными проблемами. Он пишет книжку „Что такое женщина?“ В этой брошюрке, излагающей биологическую точку зрения на женщину, профессор гармонию жизни видит в том, что дело борьбы за существование, творческую и созидательную работу он относит исключительно на долю мужчины, ибо:

„Женский организм, его особенности и отличительные черты созданы для одной определенной цели—цели деторождения.“

В другом месте профессор утверждает, что жизнь женщины „протекает под влиянием одного момента, под бесспорной властью половой функции“, и эта власть над женщиной, являясь „самодовлеющей активной силой природы, не может быть заменена никакими преобразованиями социального порядка“.

Только как тяжелое ярмо рассматривает профессор женский труд, а современные социальные условия труда—как условия, которые превращают женщину в рабу, не способную по своему физическому и психическому складу к нормальному труду.

И проф. Какушкин и сейчас осмеливается защищать политически вредные, антисоветские, псевдонаучные взгляды на женщину.

— Кто возражает против моей брошюры, тот несомненно идет против политики советской власти,—цинично бросает он.

Мы не можем не отказать проф. Какушкину в справедливости его слов насчет того, что он не придает особого значения определенности его мировоззрения. Нам даже кажется, что за этим кроется и другое: мировоззрение, методология, общественные поступки проф. Какушкина—все это направлено против нас.

„наука сама по себе философия“

Бич, душитель всякой революционной мысли— вот что знал всякий поступающий в университет о профессоре Стадницком.

В советское время проф., во имя спасения своей шкуры, решил приспособиться. С кем он? Ученый хамелеон виляет:

— Я беспартийный, но.. всегда был за народ.

Сейчас он с подобострастной улыбочкой вспоминает о том как в старое время он сочувствовал революционным настроениям. Даже содействовал им. Большого труда не стоило для того, чтобы раскрыть, как проф. Стадницкий „содействовал“ революции; он записывал фамилии зачинщиков и участников собраний, а затем по „странному“ стечению обстоятельств эти заговорщики оказывались в руках тайной полиции. Евреям он тоже „сочувствовал“: на экзамене он их проваливал. Однако, сейчас профессор это отрицает с поддельным возмущением:

— Помилуйте, как можно меня в этом обвинять... Ведь я чуть-чуть не женился на еврейке, да к счастью ее отец не согласился на наш брак,—оправдывается профессор.

Профессор выдвигает себя как ученого безбожника, как воинствующего материалиста.

— Карл Маркс не был религиозным и не верил в чудеса. В таком духе и я веду свои лекции. Но когда „воинствующего безбожника“ спросили, как он смотрит на религию, он смущенно пробормотал:

— Я смотрю на религию, как на известный обряд. Она остается по внушению с детства.

Это, так сказать, общественно-политическое лицо профессора. Его теоретическое мировоззрение куда проще. На вопросы о его мировоззрении он вообще ничего путного не мог сказать. Помилуйте, с какого конца диалектический метод „относится“ к анатомии и имеет ли к ней отношение вообще. Его научное кредо: „Наука сама по себе философия“.

Так, прожевывая из года в год старое, кафедра нормальной анатомии и ее профессор Стадницкий внушали вредные мысли студенчеству.

„классовая ли наука математика“

Профессор Голубев, Свешников и доцент Боев—имена неразрывные. Они получили громкую известность среди студенчества своим сочетанием научной деятельности с реакционными выступлениями, с религией, с саботажем мероприятий по реорганизации ВУЗа и т. д. Разница представителей кафедры математики с представителями других кафедр та, что эти достаточно откровенно говорят о своей политической физиономии, лишь изредка, в наиболее острые моменты, скрываясь под маской лояльности.

Вопрос об отношении диалектического метода к истории математики, к использованию марксистской методологии? Профессора пожимают плечами.

Профессор Свешников резюмирует: „Диалектический материализм невозможно применить к истории математики, т. к. (!) последняя существует тысячелетия, а диалектический материализм лишь десятилетия“ (??).

— Можно ли двигать науку вперед, не беря за основу диалектические методы?—вопросает себя Голубев.—Опыт исторического развития показывает, что можно. У нас в математике есть такие области, куда никакие философские доктрины не приложимы.

— Классовая ли наука математика? Я не совсем понимаю этот вопрос... Все классы способны воспринимать математику. Я знал одного геометра, который вышел из крестьян, был пахотухом и до 12 лет был совершенно неграмотен,—убеждает профессор Свешников, изумленный вопросом.

Оба профессора находятся в трогательном единении с религией, с той только разницей, что Голубев ходит в церковь только раз в год, на Пасху, чтобы освежить воспоминания детства, профессор же Свешников гораздо откровеннее, ему ничего не стоит отказать аудитории в чтении лекции из-за того, что нужно... итти ко всенощной.

Совершенно ясно, что на кафедре отсутствует какой-либо классовый подход к выдвиженцам, ведь для профессоров „классовый подбор студенчества решительно ничего не значит... Были бы математические способности“.

Профессор Голубев признается:

— По политическим убеждениям я республиканец.

И Гинденбург и Павел Милюков мнят себя тоже республиканцами. Мы склонны думать, что все трое „ученых“ как в науке, так и в политике тоже являются такого же сорта „республиканцами“.

либо-либо

Достаточно этих фактов для того, чтобы увидеть, чем наполнены профессора типа Павлова, Какушкина, Стадницкого, Голубева и др.

Органическая ненависть к диалектическому материализму, ярко выраженная идеалистическая методология, часто скрывающаяся под маской „научного объективизма“, „аполитичности“, „беспартийности“, скрытое или явное сопротивление реконструкции вузовской жизни— вот их лицо.

Но это было в 1930 году. С тех пор революция шагнула еще дальше.

Уже тогда, в связи с решительным наступлением социализма на всех фронтах, ускорился процесс расслоения научных сил: или с нами, или против нас. Так ставила вопрос революция. Жизнь требовала прямого ответа: „1930 год является последним сроком выбора пути. Либо с пролетариатом и крестьянскими массами к социализму, либо с кредителами—к контрреволюции,—так и только так стоит вопрос перед старыми кадрами интеллигенции“ (доклад Молотова на президиуме ИККИ).

Год прошел.

Очень многие ученые этот выбор в пользу социализма уже сделали, на деле доказав свою преданность строящемуся социализму. Очень многие перевооружились и методологически и политически. Однако, все ли колеблющиеся и реакционные группы профессуры так поступили?

историк дома романовых

По стране разливается разгром и грабеж. Международные связи порваны. Внутренняя экономика сильно пала. Социальные низы не надежны. Партизанщина—сплошной грабеж—захлестывает страну...

Холодный пот выступает на высоком челе профессора...

— От прежнего ничего не осталось... ничего,— опустошенным голосом еле произносит профессор.

А накануне ведь был огромный народнохозяйственный подъем. Положение среднего класса укреплялось. Быстро росло и крепло государство. Но... подвели социальные низы.

— Ничего не осталось.

Однако (голос профессора начинает крепчать) растет и национально освободительное движение. Все, что есть в стране организованно, восстает против неорганизованных низов. В боевые ряды становятся чернососные крестьяне и поморские мужицкие миры. Земля становится связующим звеном для всех. Общеземский всенародный собор избирает царем Романова—из исконно рус-

ских родов. Победа одержана. Страна расправляется с воровской шайкой. Страна входит в полосу мирного строительства. Страна, наконец, приходит к нормальному состоянию..

Как певец, успешно окончивший длинную и трудную, но благодатную арию, профессор облегченно вздыхает, отирает увлажненный пот лоб, делает передышку и уже ровным голосом продолжает дальше.

И это на лекции в пролетарском ВУЗе, на втором десятилетии диктатуры пролетариата!

* * *

Профессор Любомиров и сам когда-то учился в университете. Степанным, благочинным студентом он с голо ой уходит в чудесное царство чистой науки. Еще недавно в нем бродили шальные идеи буржуазной революции (но с кем в эти годы не бывает...). Он однако быстро отрекается от грехов молодости и находит опору и теплый приют в рядах реакционной профессуры.

Бесхребетный интеллигент делает глубокий реверанс в сторону царизма, в сторону правительства жесточайшей реакции, давившего в те годы рабочих и крестьян пулей, штыком и столыпинским галстуком, и садится за перо. Ученый юноша Любомиров решил писать о „смуте“.

* * *

Представители торгового капитала и среднего поместного землевладения, завладев боярскими вотчинами, начинают их грабить. У крестьян отнимается земля, денежный оброк увеличивается, эксплуатация крестьян доводится до таких размеров, какие не снились старому боярству. Новое крепостное право давит во сто крат тяжелее старого феодального права.

Недовольство голодной крестьянской массы растет. Нарастает крестьянская революция, восстание народной массы против ее угнетателей. Начинается то, что буржуазные историки называют „смутным временем“. Но революция жестоко подавлена.

И вот, под наплывом верно подданных чувств, ученый Любомиров пишет свою работу о спасителях отечества, о нижегородском ополчении 1611—1613 годов.

„Меньше чем полтора года охватывает собою история нижегородского ополчения... Но как много было сделано, как много изменилось в стране за эти полтора года. Из разрозненных миров, думавших в период упадка, неверия в свои силы, только о самозащите, ушедших в маленькие местные дела, восстала единая вся земля“, поведшая с большим умением общегосударственную политику; создалось из ничего новое общеземское правительство, начавшее сложную и особенно тяжелую именно в начальной стадии работу над восстановлением порядка в стране, до самых низов поколебленной смутой. Сильные единством и организованностью земские люди почти без кровавых стычек нанесли решительное поражение столь страшному для них осенью 1611 г. казачеству и, соединившись с более мирной частью его, освободили от поляков столицу—сердце России, и в заключение собравшийся в Москве Земский собор, представлявший действительно всю землю, избрал давножданного государя. Однако,

намеченная в Нижнем программа не была еще осуществлена вся целиком, до конца. На юге еще действовал неумолимый и энергичный Заруцкий, север громили черкасы и русские вору; далеко не покончено было дело с поляками, и именно выбор царя из русских знаменовал разрыв и грозил войной со Швецией; много еще сил нужно было положить, чтобы привести в порядок управление, собрать средства в опустевшую казну и т. д. Но если правительство ополчения и не довело до конца дело освобождения, умиротворения и устройства родины, то все же начало борьбы и с оставшимися внутри страны врагами порядка, готовило средства и силы на случай войны с иноземными державами и наметило пути, указало средства, какими нужно было пользоваться для продолжения внутригосударственной организационной работы. И правительству царя Михаила осталось идти дальше в том же направлении“.

Вот заключительный аккорд славной истории „водворения порядка“ на Руси, описанный молодым историком. Итак, восставшие против феодалов крепостников крестьянские массы—воры, грабители, черкасы, дикие народцы. Партизанщина—сплошной грабёж. Социальные низы способны только разрушать!

Но „восстала единая вся земля“, собралось нижегородское ополчение и начало „трудиться“ с большим умением, дабы восстановить „порядок“, а затем—профессор Любомиров умиленно улыбается—Земский собор избрал „давножданного государя“. И вот нормальное состояние страны восстановлено, и правительству царя Михаила осталось идти дальше в том же направлении“.

Историк возведения на престол дома Романовых—Любомиров благославляет на добрый путь, путь кровавого подавления внутренних врагов страны, врагов порядка. Его советом не преминули воспользоваться государи русские. Об этом знал из истории революции 1905—1907 года и сам историк.

„Научная“ карьера Любомирова продолжается. Всю свою научную аргументацию, эрудицию мобилизует Любомиров на дело охраны Романовых от заблуждений, в которые могли ввести его прониравшие костромичи для того, чтобы снискать благоволение царствующего дома своему краю. Появляется книга „Легенда о старце Давиде Хвостове“.

Позади монархия, позади гражданская война, пролетариат уверенно идет к торжеству социализма, но наш профессор далеко позади. Он застрял еще в „смутном времени“, лавры царского историка не дают ему покоя. Как Пимен в келье, он пишет, пишет... „Грамоту Земского собора в Пошехонье о состоявшемся избрании на царство Михаила Федоровича“. Он жадно вглядывается в тень прошлого, он с тоской ищет новых Пожарских. Еще, еще раз переоачиваются пожелтевшие листки истории и.. „появляется“ новый „Пожарский в изображении нового списка хронографа типа 1917 года“. В нем Любомиров выступает явным почитателем контрреволюционного „потвига“ Пожарского. Затем следует „Выговское общежитие“, которое выходит в частном издательстве идеолога старообрядчества Яксанова.

Еще 4–5 лет, но ничто не изменяет лица ученого. Те же речи о смуте. Изменены лишь, разве,

слова. Так, русские вору обличаются в одежду „социальных низов“, а контрреволюция все больше оттеняется, как национально-освободительное движение.

Профессор Любомиров все чаще и чаще начинает называть себя социалистом и даже, правда, не... стопроцентным (?), но марксистом. Разъясняя и убеждая, что он в самом деле марксист, проф. Любомиров аргументировал это след. образом: „1) Я признаю борьбу классов и 2) считаю верным то положение, что экономика определяет политику. Следовательно нет оснований обвинять меня в том, что я не признаю марксизма“.

После этого заявления действительно приходится убедиться в том, что из сокровищницы марксизма проф. Любомиров „взял“ „процент“, при чем очень малый (если бы вообще можно было „мерить“ марксизм процентами).

Не говоря уж о том, что голое признание детерминированности политической жизни экономикой совершенно недостаточно, что суть в правильном понимании диалектики взаимоотношений политики и экономики, следует остановиться на заявлении Любомирова о „признании классовой борьбы“.

...„Учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики... Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма“ (Ленин, том XIV, стр. 323).

Можно ли после этого сомневаться, что „марксизм“ проф. Любомирова—липовый, что проф. Любомиров со своим „экономическим“ эмпиризмом остается в рамках буржуазного мышления?

Что это так, показывают, между прочим, следующие примеры своеобразного переплетения „научных изысканий“ проф. Любомирова с „современностью“.

В революцию 1905 года, в дни реакции, Любомиров пишет о „смуте“. Он исторически оправдывает „восстановление порядка“, борьбу с внешними и внутренними врагами, кровавую борьбу царяма.

Реакция празднует 300-летие дома Романовых, ее трубадур на бэвом посту. Он связывает свои труды с царским юбилеем

„И теперь, в дни „трехсотлетия нижегородского подвига“, своевременным, кажется, будет снова заняться этим интересным моментом начала очищения русской земли от внешних и внутренних врагов и восстановления в ней порядка после глубокого развала последних лет смуты“, читаем мы в предисловии к „Нижегородскому ополчению“. Легенда о старце Давиде Хвостове четко увязывается с приближающимся юбилеем.

17-й год, корниловские дни, самый канун Октября; профессор, видимо, „для увязки с современностью“ переиздает свои очерки о

„Нижегородском ополчении“, где „в более или менее важных выводах“ Любомиров непреклонен. Он даже оставляет и здесь посвящение дому Романовых.

В 1921 году все вождения концентрируются вокруг спасителя — князя — Пожарского, а в 1924 в „Выговском общезнательстве“ Устрялов в маске историка определяет высокую степень „духовных возможностей русского народа“.

„Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв.“ — очередной „вклад“ в научную сокровищницу. На обложке книги дата 1930 — год развернутого социалистического наступления по всему фронту. Изменилось ли „нутро“ профессора после того, как был поставлен вопрос в упор „либо-либо“?

„Книга Любомирова выражает интересы тех групп, которые в годы нэпа переживали процесс перехода от торгового капитала к зачаткам промышленного — деревенского кулака, городского торговца, промышленного предпринимателя, она выражает стремление тех, кто видел свою цель в расщеплении нэпа и понимал ее как реставрацию капиталистических отношений“, читаем мы в журнале „Историк-марксист“.

Монархист в годы реакции, монархист в дни революции, профессор Любомиров остается таким же и по сей день. Кулацкий идеолог — он ждет реставрации, он с жадностью ищет исторических примеров, чтобы доказать ее неизбежность.

адвокат идеализма

Нет бога, кроме Маркса, и Охочимский — его пророк!

В статьях и работах профессора — ссылки на Маркса, Энгельса, Ленина, программа занятий со студентами — программа Коммунистической академии.

На занятиях профессор глушит студентов марксистской фразеологией. Что за беда, что программа Комакадемии представлена только администрации, что преподавание ведется по другим заданиям, которые похожи на программу Комакадемии, как... паровоз на бритву господина Чемберлена.

Профессор высокомерно и грубо не переносит замечаний. Разве можно критиковать ортодокса?

В позе правовика-марксиста профессор разоблачает все и всяческие изображения против Маркса и Энгельса в вопросах права. Но... но не замечаете ли вы, что кроме приводимых цитат из основоположников марксизма, пристегивающихся где надо и не надо, все речевые потоки профессора, мягко выражаясь, режут ухо и поражают не ахти какой ортодоксальностью?

„Право — категория чисто логическая и, подобно геометрии, не имеет ни жирилки экономик“.

И откуда это столь компетентному в вопросах права профессору пришло на ум брать сравнение из геометрии? И надо же попасть в такой просак, ухватиться для сравнения за науку, самое название которой — геометрия — землемерие, — говорит об ее экономических корнях и назначении!

По всему видно, что вы, профессор, удивлены революционным чутьем студенчества, пытаетесь его обойти, не заметить. Огорвав право от экономик, в дальнейшем вы вполне последовательно лишаете право всякого классового характера, выхощиваете из него историческое содержание и преподнесите студентам некое абстрактное право, которое спекулятивно развивается в вашей голове по формально-логическому методу.

Что ж удивительного, что, опьяненный догматическими спекуляциями, вы теряете уже в дальнейшем всякую способность отличить красное от белого и правое от левого.

Мы не будем, конечно, вам приводить те классические места из „Введения к критике политической экономии“, а также „Комманифеста“, где Маркс рассматривает политику и (да, ла, проф. Охочимский) право, как „юридическую и политическую надстройку“ над „реальным экономическим основанием“, где „отношение собственности“ является для него лишь юридическим „выражением производственных отношений“, их „правовой формой“. Вам, конечно, известны формулировки, в которых для Маркса „способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще“, а следовательно и „правовые воззрения“ и правовые системы.

Все это азбука марксовой политической экономии, которую вы вредительски изложили студентам в идеалистической форме.

В эпоху развернутого социалистического наступления по всему фронту провозгласить право лишенным классового содержания, оторвать его от системы пролетарской диктатуры — значит выдать паспорт на существование нашему классовому врагу, значит узаконить действия отчаянно сопротивляющегося кулачества.

Больше 50 лет тому назад знаменитый Козьма Прутков говорил: „Всякий необходимо причиняет пользу, употребленный на своем месте; напротив, упражнения лучшего танцмейстера в химии — неуместны; советы опытного агронома в танцах — глупы“.

Лишь абсолютное непонимание или же сознательное извращение смысла социалистической революции может привести к такому заключению, к которому пришел проф. Охочимский, пытаясь привести сравнение „военного коммунизма у нас и на Западе“. Таким образом, в элементарных капиталистического регулирования в период империалистической войны наш профессор умудрился найти своеобразный империалистический „военный коммунизм“. Значит прав был Козьма Прутков, намекая, что советы проф. Охочимского в вопросах социалистической революции глупы и неуместны.

Но как мог марксист на все двести процентов позволить себе такие формулировки?

— Обратите внимание на мою работу „Основные моменты исполнения по обязательствам“, которая является наиболее научно ценной и выдержанной в смысле чистоты марксистской методологии.

Шутка ли это, „улка“, или неумная, неувертливая уловка, но этот „перл“ марксо-ленинской выдержанности не имеет ни грана марксизма.

В номере 11—12 журнала „Советское государство и революция права“ (за 1930 г.) это новейшее достижение марксистской методологии характеризуется, как „плод дореволюционной университетской науки, отгородившейся китайской стеной от всякого соприкосновения с практикой социалистического строительства“. И дальше: „Несомненно, что работа типа очерка Охоцимского—большая редкость в наших условиях. Москва уже давно не поставляет такой продукции. Лишь в провинции, в стенах провинциальных ВУЗов и на страницах „Ученых записок“ культивируется дух старой юриспруденции понятий, с одним из образцов которой мы столкнулись“. Мимо Маркса и назад от Маркса зовет автор советскую науку и советских юристов. В этом суть его „научного“ творчества, в этом же его историческая обреченность и ненужность“.

Замаскированный марксообразной внешностью, отгородившийся логическими понятиями от практики социалистического строительства, проф. Охоцимский блуждает в потемках там, где жизнь ломает эту китайскую перегородку.

Вынужденный включить в план работ тему „Правый уклон в теории советского гражданского права“, проф. Охоцимский свел вопрос о правом уклоне к вопросу о влиянии буржуазного ученого Дюги на советских юристов, при

этом проникнутые целиком право-оппортунистическими установками тезисы по этому докладу он пропустил без единого замечания и полностью одобрил.

Надо ли удивляться, что представитель реакционного крыла профессуры, замаскированный под Маркса, идеалист Охоцимский на заметку стенной газеты о методе его преподавания ответил грубым выпадом, с требованием привлечь к ответственности студкора.

Надо ли после этого удивляться, что в результате лекций проф. Охоцимского многие из студентов были великолепно натасканы на буржуазной реакционной литературе и совершенно не знали Ленина?

Не удивляемся тому, что в течение 3 лет пребывания в университете проф. Охоцимский своей грубостью и высокомерием сделал невозможными сколько-нибудь нормальные отношения со студенчеством и с кафедрой.

Не удивляемся, если проф. Охоцимский 1001 раз будет цитировать Маркса и Ленина, клясться в своей преданности марксизму...

Но мы были бы очень неприятно удивлены, если в числе профессоров Саратовского гос. университета осталось бы имя проф. Охоцимского.

(Окончание в след. номере).

34



В цехе комбайнов в Саратове. Рабочие цеха комбайнов слушают объяснение техника по постройке частей комбайнов и их сборке по чертежам.

„Без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами!“

(Сталин).